

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1. С. 81—88.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 1. P. 81—88.

Научная статья

УДК 327(536.4)

DOI: 10.46726/И.2025.1.11

КАТАР В СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ: ТУРЕЦКИЙ ФАКТОР

Алим Маратович Абидулин, Дарий Дмитриевич Косульников

Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Россия, abidulin@imomi.unn.ru, d-kosulnikov@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается внешнеполитическая концепция государства Катар в современной турбулентной системе международных отношений через призму сотрудничества с Турецкой Республикой. Нынешняя геополитическая ситуация диктует миру свои правила, в рамках которых Катар начал процесс переосмысления своей роли на Ближнем Востоке, в частности в Персидском заливе. Имея достаточно сильный потенциал, а также ресурсы, эмират в последние годы проводит прямолинейную внешнюю политику по наращиванию своего влияния в регионе как надежного партнера и современного прогрессивного государства. Ключевым партнером в концепции роста роли региональных держав для официальной Дохи является Турция. В статье авторы рассматривают взаимоотношения двух стран по ключевым сферам: военно-политической, экономической и идеологической.

Ключевые слова: Катар, Турецкая Республика, Персидский залив, Ближний Восток, региональные державы

Для цитирования: Абидулин А.М., Косульников Д.Д. Катар в современной геополитической системе: турецкий фактор // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки, 2025. Вып. 1. С. 81—88.

Современное Королевство Катар представляет собой достаточно нетипичного «игрока» ближневосточного региона: оказавшись под дипломатической и экономической блокадой со стороны большинства стран Персидского залива, Доха смогла выстроить четкую внешнеполитическую концепцию и найти баланс между различными «блоками» на международной арене. На сегодняшний день Катар отличается от многих арабских государств своей внутренней стабильностью, он может с легкостью похвастаться активной и успешной борьбой с аномией — главным «врагом» арабских социумов [Тюкаева]. При этом внешняя политика официальной Дохи крайне изменчива и отвечает актуальной повестке.

Пройдя достаточно непростой путь от британского протектората до независимого эмирата, Катар сегодня — это страна с возрастающей ролью в ближневосточном регионе. Катарская политика стратегического балансирования в сочетании с позиционированием себя как прогрессивного и современного государства, а также надежного поставщика энергетических ресурсов, является ключевым элементом во внешнеполитическом курсе страны.

Доха придает серьезное значение своей роли в событиях и Персидского залива, и Ближнего Востока, именно поэтому выборность в плане партнеров является важным моментом во внешней политике. И если ранее Катар сделал

ставку на США, что, конечно же, повлияло на определенные события на внутреннем и внешнем рубеже страны, то сейчас наиболее приоритетными партнерами являются Турция и Иран, которые, в свете современной геополитической обстановки, в свою очередь, активно распространяют свое влияние на внешнем рубеже.

С подписанием Соглашения о стратегическом партнерстве в 2008 году Турция смогла выстроить диалог со странами Персидского залива. Это соглашение позволило Анкаре определить свои собственные приоритеты в политической, военной и экономической сферах. По сути, Турция стала первой мусульманской страной вне блока ССАГПЗ, которая смогла распространить свое влияние в регионе путем развития партнерства со странами Залива. Арабские страны также нашли в этом свой интерес, так как появилась альтернатива США в рамках укрепления своего могущества путем развития регионального сотрудничества, теперь этот статус имеет и Турция. Это событие, а также широкая региональная динамика проложили путь для расширения возможностей Анкары в Персидском заливе. При этом Турция во главе с Реджепом Эрдоганом придерживается своей собственной аккуратной внешнеполитической парадигмы по установлению стратегически важных двухсторонних отношений с конкретными государствами. В этом вопросе можно выделить и Катар как государство, занимающее далеко не последнее место в региональной сети Ближнего Востока, более того, оно так же привержено политике взаимного прагматизма, как и Турецкая Республика.

Стремительные изменения на международной арене задела Королевство Катар. Специальная военная операция на Украине и события в Секторе Газа повлияли не только на политический, но и на экономический фон [Там же]. Энергетическая ситуация в мире в определённый момент достигла высокого кризисного состояния, поэтому такие страны, как Катар, стали единственной выгодной и надежной альтернативой по поставке энергетических ресурсов. Внешнеполитическая стратегия баланса Катара и здесь отвечает сегодняшним вызовам — позиции Дохи усиливаются отсутствием других вариантов, особенно с учетом того, что Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты не обладают сопоставимыми возможностями по производству и экспорту СПГ.

Следуя своей внешнеполитической стратегической линии и вызовам актуальной геополитической ситуации, Катар ищет новые перспективные партнерские отношения. И здесь важно выделить Турцию как одну из ключевых стран в сети региональных контактов. Партнерство между двумя странами развивалось с начала 2000-х годов, тесное сотрудничество вкупе с многочисленными выгодными договорами и контрактами создали основу для надежных военно-политических и экономических взаимоотношений.

Особенно важно подчеркнуть сотрудничество Дохи и Анкары во время «арабской весны» и дипломатического кризиса 2017 года между странами Персидского залива. И хотя соседи Залива не приветствуют такое тесное сотрудничество, в рамках долгосрочного партнерства Катар и Турция уже прошли ряд важных этапов. Одним из этапов стало наращивание турецкого военного присутствия в регионе: в 2015 году турецкие солдаты были впервые размещены на территории Катара, впоследствии это событие создало фундамент для организации новой полноценной структуры под названием «Объединенное командование турецко-катарских вооруженных сил», что позволяет сделать вывод, что Доха и Анкара смогли найти общие точки соприкосновения и создать перспективную военную «платформу» для дальнейшего сотрудничества [Firat].

И для Катара данное партнерство — это возможная будущая конфронтация со многими арабскими странами, но при этом наличие военной базы, которая усилена спектром различного вооружения и продолжает активно развиваться за счет постоянных совместных учений и соглашений, гарантирует безопасность Катара на внутреннем и внешнем круге.

Турция не единственная страна, которая пытается нарастить военное присутствие в ближневосточном регионе, налаживая контакт с Катаром. Соединенные Штаты Америки также являются одним из партнеров Дохи в военно-политическом плане. Напомним, что с 2003 года на территории эмирата действует военная американская база «Эль-Удейд» с самым крупным военным контингентом США на всем Ближнем Востоке [El-Berni]. При этом Доха целенаправленно и постепенно наращивала военное сотрудничество с США, инвестируя деньги в базу. И хотя «Эль-Удейд» не раз становилась камнем преткновения в диалоге между Катаром и соседями Персидского залива, она продолжает функционировать. Более того, по разным сообщениям из СМИ, в 2024 году США продлили соглашение с Катаром о функционировании их базы на следующие 10 лет, что дает ясно понять о среднесрочных планах Вашингтона на ближневосточный регион. США не собираются отказываться от своих возможностей по углублению внешнеполитических позиций и дальнейшему влиянию на арабские страны, даже путем военно-политического давления. И в этом плане Вашингтон в какой-то степени зависим от Дохи.

Возвращаясь к вопросу турецко-катарского сотрудничества в регионе, стоит отметить, что Анкара позиционирует себя как наиболее приоритетного партнера, усиливая свои позиции по ряду вопросов. Осознавая прямую зависимость Катара от военно-технологических инвестиций, Турция и на сегодняшний день продолжает развивать интеграцию двух стран в этом направлении. С 2019 года на территории эмирата действует вторая турецкая военная база, цель которой — усиление стратегических позиций двух стран в Персидском заливе [Firat]. Новая база позиционируется как «командный штаб», то есть этот «центр принятия решений» дополняет общую парадигму сотрудничества Катара и Турции в военном вопросе. Кстати, турецкая сторона не пренебрегает своей давней традицией «братания» — Реджеп Эрдоган заявил о том, что новая турецко-катарская база является «символом братства», а также служит миру и стабильности не только Катара, но и всего Персидского залива, прямо намекая на то, что Турецкая Республика видит себя «медиатором» и «миротворцем» Ближнего Востока. Базу назвали в честь Халида бин Валида — одного из величайших генералов и воинов исламского мира, командовавшего армиями Пророка Мухаммеда. И в этом вопросе Анкара не забыла подчеркнуть, что кроме военно-политического и экономического сотрудничества существует еще и идеологическое, которому Турция уделяет пристальное внимание.

В вопросе военно-технологического сотрудничества Катар придерживается четкой последовательности, обращаясь к вызовам внешней и внутренней ситуации — например, Доха активно инвестирует в военно-промышленный комплекс Турции, получая от этого доходы. Так, в 2014 году Доха выкупила 49,9 % акций турецкой компании «ВМС» [Bakeer], которая занимается производством танкового снаряжения и оборудования. Благодаря этим и дальнейшим инвестициям, Доха с 2017 года получила 100 современных основных боевых танков, 585 бронетранспортеров, несколько видов инженерной техники, а также модернизированные платформы для БПЛА компании «Байрактар». На Международной выставке и конференции по военно-морской обороне в Дохе

в 2018 году Катар и Турция также заключили ряд важных контрактов с общей суммой на 800 млн \$ [Там же]. Сюда вошли контракты и соглашения на поставку и модернизацию различных видов вооружения, транспортных средств и военных кораблей. Также между Дохой и Анкарой было подписано соглашение о создании военно-морской базы «Vogouge» для расположения, тренировок и деятельности сил специальных операций. Для Катара это достаточно серьезный шаг в рамках повышения боеготовности и развития своих вооруженных сил, а для соседей по Заливу — это серьезный вызов, так как он представляет собой включение Катара в «большую игру» сетецентрической войны с улучшением своих разведывательных и тактических способностей. Можно смело заявить, что Доха, имея крупные средства и инвестиции, активно наращивает свой военный потенциал, адекватно оценивая свои возможности в регионе. Эмират, обладающий стабильной финансовой мощью, так еще и крупными и перспективными амбициями — это как раз отличный вариант для Турции и Эрдогана, в частности, для дальнейшего распространения своего влияния на Ближнем Востоке и возвращения в Персидский залив с военно-политической точки зрения.

На фоне последних событий в Секторе Газа Катар и Турция продолжили тесное сотрудничество, так как имеют одинаковый взгляд на события, обе страны высказываются в негативном формате о чрезмерной агрессии со стороны Израиля. При этом Катар поддерживает кооперацию с Тель-Авивом по ряду вопросов в экономическом сотрудничестве, и этот момент отправляет нас к вопросу стратегического балансирования Катара [Qatar “re-evaluating”...].

Возвращаясь к вопросу Сектора Газа, Доха и Анкара провели ряд встреч на высшем уровне для обсуждения военно-политической, гуманитарной и социальной сфер совместной деятельности. Турция также явно показала для внутренней и внешней аудитории, что она в курсе нахождения в Катаре штаба военизированной группировки ХАМАС. Более того, время от времени Эрдоган отмечает, что этот факт является ключевым в вопросе дальнейшей эскалации конфликта в Газе. Благодаря тому, что ХАМАС, по сути, находится не в Секторе Газа, Израиль не имеет возможности полностью уничтожить группировку. Турция активно привлекает внимание международной общественности к связям Анкары и ХАМАС, принимая высокопоставленных членов палестинской группировки, и, тем самым, проявляя лояльность к Катару [Kayaoglu].

В вопросе взаимоотношений двух государств с ХАМАС стоит также отметить интересную ситуацию, которая сложилась в последние годы. В разное время появлялись сообщения о том, что США, Катар и ХАМАС обсуждали вопрос переноса штаб-квартиры группировки в третью страну. При этом не было явных признаков, что такая возможность рассматривалась серьезно, но «новым домом» для ХАМАС и его лидеров в СМИ называлась как раз Турецкая Республика, аргументировалось это тем, что Анкара за последние годы выстроила полноценный и перспективный диалог с палестинской группировкой [Battaloglu]. Доха здесь в двойственной ситуации: с одной стороны, ХАМАС является важным компонентом во внешней политике эмирата, с другой стороны, наличие в стране штаба военизированной группировки влечет за собой ряд негативных последствий, которые могут перерасти в серьезную политическую проблему. В любом случае, пока разговоры о «новом доме» для ХАМАС остаются разговорами. Ни США, ни Катар, ни Турция не подавали явных знаков о том, что данная тема обсуждалась на высоком уровне [Turkey’s Erdogan says...].

Консенсус по углубленной интеграции с ХАМАС отсутствует и в самой Турции, так как размещение лидеров палестинской группировки может дать

Анкаре дополнительное преимущество, а может и создать определенные проблемы. Давление со стороны Израиля для Турции не самый лучший вариант — прием членов ХАМАС создает не прямой «казус-белли» для Израиля. Тем не менее, изменение текущей динамики, а также повышение дипломатической репутации Анкары за счет того, что в таком случае за Турцией остается главное решение по Сектору Газа, — это явно выгодный ход для Реджепа Эрдогана [Turkey's Erdogan says...].

Новый виток в масштабной воронке ближневосточного конфликта образовался 7 октября 2023 года, когда военизированные группировки ХАМАС атаковали границу Израиля. И сейчас Катар и Турция, как непосредственные участники этого цивилизационного противостояния, ищут способы по его деэскалации, при этом не забывая поддерживать и свои внешнеполитические позиции. В любом случае такая динамика на ближневосточном регионе, которая может с легкостью пошатнуть мировой баланс сил, должна решаться несколькими акторами с разных полушарий нашей Земли.

Помимо этого, Катар продолжает активно инвестировать в перспективные военные программы Турции. Здесь стоит привести пример программы «Алтай» — нового основного боевого танка турецких ВС. В рамках нескольких соглашений Доха согласилась поучаствовать в развитии программы, а также стать одним из первых получателей 250 танков «Алтай» [El-Berni]. Данное соглашение стало ключевым в рамках сотрудничества между катарской компанией SSB и турецкой ВМС за счет крупных инвестиций и самой стоимости программы. Хотя многие зарубежные и отечественные эксперты сомневаются в том, что программа будет успешно реализована в указанные сроки и боевые танки будут предоставлены в заявленном количестве, Доха пока не намерена от нее отказываться из-за отсутствия прямых и явных альтернатив. В таком ключе Катар активно повышает свою боеготовность, принимая во внимание беспокойность региона и крайне экспансионистский взгляд соседей.

Помимо военно-политического сотрудничества Катар и Турция наращивают кооперацию в сфере экономики. С началом дипломатической и экономической блокады Дохи в 2017 году торговый оборот между странами вырос на 47 % в конце 2018 года, впоследствии оборот продолжил расти, заключались новые соглашения и договоры. Основная сфера — это энергетические ресурсы, молочная продукция, машиностроительный бизнес. Однако Турция также ведет торговлю и с Саудовской Аравией, и ОАЭ, при этом торговый оборот с названными странами выше, чем с Катаром (Саудовская Аравия — около 6 млн \$ и ОАЭ — около 8 млн \$ по данным на 2020 год [Yuksel]). Торговый оборот между Турцией и Катаром составляет не более 2 млн \$ и остается на сегодняшний день в этих же рамках без стремительного темпа роста, так что экономический аспект не является основным драйвером развития турецко-катарских отношений.

Значительная часть современных исследований о взаимоотношениях Катара и Турции уделяет особое внимание общей концепции идеологии. Речь идет о крупной сети идеологического движения «Братья-мусульмане» [Хайруллин]. Принимая во внимание тот факт, что Катар является исламской страной с ваххабитским движением, это не мешает ему принимать у себя представителей «Братьев-мусульман». Более того, Доха активно развивает с ними контакт путем проявления терпимости и принятия «братьев» на территории Катара. И если внутри страны «Братья-мусульмане» — это всего лишь одна из многих исламских религиозных ячеек для Катара, которая сильного влияния не имеет, то за рубежом данная крупная сеть используется для достижения

собственных внешнеполитических целей и региональной гегемонии. Как раз стратегическое сближение с Катаром у Турции началось после прихода к власти партии Эрдогана «ПСР», впоследствии с 2008 года на высоком представительском уровне регулярно проходили встречи с обсуждением перспективы сотрудничества и развития кооперации, в том числе и идеологической. Возвращаясь к теме внешнеполитического сотрудничества двух стран с «Братьями-мусульманами», можно привести пример совместной поддержки Катаром и Турцией родственной «Братьям-мусульманам» палестинской организации ХАМАС, что также способствовало укреплению альянса. В 2007 г. Катар вместе с Турцией были единственными странами, поддержавшими ХАМАС после того, как группа вытеснила ФАТХ из сектора Газа [Хайруллин]. Еще один яркий момент, описывающий взаимодействие на оси Катар — Турция — «Братья-мусульмане», — это период «арабской весны», где Доха и Анкара совместными усилиями, а также тесной кооперацией с «Братьями» смогли добиться определённых внешнеполитических успехов — например, активного влияния на ситуацию в Египте и фактического прихода к власти «Братьев». Важно подчеркнуть, что обе страны действовали в сотрудничестве, в одиночку бы у Катара ничего не вышло из-за географических проблем и не слишком выгодных политических позиций в регионе. Турция также не смогла бы полноценно включиться в борьбу из-за этнического фактора и не устоявшейся роли в ближневосточном регионе. Хотя, конечно, стоит отметить, что впоследствии режим «Братьев-мусульман» был свергнут при открытой поддержке Саудовской Аравии, Турция и Катар как единый альянс смогли укрепить свои позиции региональных лидеров.

В целом, если оценивать взаимоотношения Катара и Турции в современной международной обстановке, то можно смело заявить о достаточно высоком уровне кооперации в нескольких сферах — военно-политической, экономической и идеологической, а также гуманитарной. Доха и Анкара видят четкую перспективу развития сотрудничества в рамках общей внешнеполитической концепции борьбы за региональное лидерство. При этом обе страны также обращают свой взор и на других партнеров, в особенности Катар, который на данный момент выступает более чем перспективным партнером из-за сильной турбулентности на международной арене. Региональная динамика позволяет Катару и Турции выстраивать тесное партнерство с элементами взаимного прагматизма. Данное сотрудничество с годами только усиливается, обрастая новыми соглашениями и договоренностями. Можно с уверенностью сказать, что власти обоих государств рассчитывают, что такие успешные и взаимовыгодные отношения будут оставаться на том же уровне в ближайшей и среднесрочной перспективе. Современная геополитическая обстановка диктует свои правила, из-за которых бывшие партнеры становятся оппонентами, а бывшие недруги налаживают и возрождают контакты, но Катар и Турция придерживаются определённой прямолинейности и взаимовыгодной кооперации, принимая во внимание то, что обе страны видят себя лидерами ближневосточного региона и не готовы мириться с устоявшейся политической конъюнктурой.

Список источников

Ali Bakeer Testing the Turkey-Qatar military partnership, *The New Arab*, 2019. URL: <https://newarab.com/opinion/testing-turkey-qatar-military-partnership> (accessed: 03.10.2024).

- Barin Kayaoglu As Qatar's frustrations grow, can Turkey lead Gaza diplomacy between Hamas, Israel?, *Al-Monitor*, 2024. URL: <https://www.al-monitor.com/originals/2024/04/qatars-frustrations-grow-can-turkey-lead-gaza-diplomacy-between-hamas-israel> (accessed: 03.10.2024).
- Engin Yuksel, Hasim Tekines Turkey's love-in with Qatar. A marriage of convenience, *Netherlands Institute of International Relations 'Clingendael'*, 2020. URL: <https://www.clingendael.org/pub/2021/drivers-of-turkish-qatari-relations/> (accessed: 03.10.2024).
- Erdogan: Turkey-Qatar military base serves regional "stability", *Aljazeera*, 2019. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2019/11/25/erdogan-turkey-qatar-military-base-serves-regional-stability> (accessed: 03.10.2024).
- Hande Firat New military base in Qatar to inaugurate in autumn, *Hurriyet Daily News*, 2019. URL: <https://www.hurriyetaidailynews.com/new-military-base-in-qatar-to-inaugurate-in-autumn-145760> (accessed: 03.10.2024).
- Hazal El-Berni, Betul Akkas Turkey's military presence in Qatar and Kuwait: A security umbrella for Gulf's stability?, *Al Sharq Strategis Research*, 2024. URL: <https://research.sharqforum.org/2022/01/14/turkeys-military/> (accessed: 03.10.2024).
- Nesibe Battaloglu Amid pressure on its Qatari ally, will Turkey host Hamas leaders? *Amwaj media*, 2024. URL: <https://amwaj.media/article/amid-pressure-on-its-qatari-ally-will-turkey-host-hamas-leaders> (accessed: 03.10.2024).
- Qatar «re-evaluating» role as mediator in Israel-Gaza truce talks, *Aljazeera*, 2024. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2024/4/17/qatar-says-gaza-ceasefire-talks-at-delicate-phase> (accessed: 03.10.2024).
- Turkey's Erdogan says he does not believe Hamas will leave Qatar, *Reuters*, 2024. URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/turkeys-erdogan-says-he-does-not-believe-hamas-will-leave-qatar-2024-04-23/> (accessed: 03.10.2024).

Список литературы / References

- Тюкаева Т.И. Резонансный Катар: феномен внешнеполитической идентичности малой монархии // Мировая экономика и международные отношения. 2023. № 10. С. 94—107.
(Tukaeva T.I. Resonant Qatar: the phenomenon of the foreign policy identity of a small monarchy, *World Economy and international Relations*, 2023, no. 10, pp. 94—107. — In Russ.)
- Хайруллин Т.Р., Коротаев А.В. Турецко-катарский альянс в борьбе за региональное лидерство // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. 2018. № 9. С. 370—428.
(Khairullin T.R., Korotaev A.V. The Turkish-Tatar Alliance in the struggle for regional leadership, *System monitoring of global and regional risks*, 2018, no. 9, pp. 370—428. — In Russ.)

QATAR IN THE MODERN GEOPOLITICAL SYSTEM: THE TURKISH FACTOR

Alim M. Abidulin, Dariy D. Kosulnikov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation,
abidulin@imomi.unn.ru, d-kosulnikov@mail.ru

Abstract. The article examines the foreign policy concept of the State of Qatar in the modern turbulent system of international relations through the prism of cooperation with the Republic of Turkey. The current geopolitical situation dictates its own rules to the world, within which Qatar has begun the process of rethinking its role in the Middle East, in particular in the Persian Gulf. Having a sufficiently strong potential, as well as resources, the emirate has been pursuing a straightforward foreign policy in recent years

to increase its influence in the region as a reliable partner and a modern progressive state. Turkey is a key partner in the concept of the regional powers growing role for official Doha. In the article, the authors examine the relationship between the two countries in key areas: military-political, economic and ideological.

Keywords: Qatar, the Republic of Turkey, the Persian Gulf, the Middle East, regional powers

For citation: Abidulin A.M., Kosulnikov D.D. Qatar in the modern geopolitical system: The Turkish factor, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 1, pp. 81—88.

Статья поступила в редакцию 04.10.2024; одобрена после рецензирования 28.11.2024; принята к публикации 24.12.2024.

The article was submitted 04.10.2024; approved after reviewing 28.11.2024; accepted for publication 24.12.2024.

Информация об авторах / Information about the authors

Абидулин Алим Маратович — кандидат исторических наук, доцент кафедры восточных языков и лингвокультурологии, Институт международных отношений и мировой истории, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, abidulin@imomi.unn.ru

Abidulin Alim Maratovich — Candidate of Sciences (History), Associate Professor of the Department of Oriental Languages and Cultural Linguistics, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University, Nizhnyi Novgorod, Russian Federation, abidulin@imomi.unn.ru

Косульников Дарий Дмитриевич — магистрант, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; консультант отдела по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений департамента социальных коммуникаций и молодежной политики Администрации города Нижнего Новгорода, г. Нижний Новгород, Россия, d-kosulnikov@mail.ru

Kosulnikov Dariy Dmitrievich — Master's student, Consultant of the Division for Inter-ethnic and Interfaith Relations of the Department of Social Communications and Youth Policy of the Nizhny Novgorod City Administration, Lobachevsky State University, Nizhnyi Novgorod, Russian Federation, d-kosulnikov@mail.ru